

СОДЕРЖАНИЕ

Список иллюстраций	25
Предисловие	31
Введение	35
1. Как все начиналось От Македонии к ойкумене (356–323 гг. до н.э.)	48
2. Преемники Авантюристы и создатели царств (323–275 гг. до н.э.)	78
3. «Старая» Греция в коротком III веке Борьба за выживание, свободу и гегемонию (279–217 гг. до н.э.)	114
4. Золотой век Птолемеев (283–217 гг. до н.э.)	139
5. Цари и царства	155
6. Города-государства в мире федераций и империй	211
7. Сцепление судеб Приход Рима (221–188 гг. до н.э.)	250
8. Греческие государства становятся римскими провинциями (188–129 гг. до н.э.)	290

9. Упадок и гибель эллинистических царств в Азии и Египте (188–80 гг. до н.э.)	316
10. Честолюбие иноземцев и поле их сражений (88–30 гг. до н.э.)	336
11. Римский Восток Локальная история и ее глобальный контекст (30 г. до н.э. — 138 г. н.э.)	373
12. Императоры, города и провинции от Августа до Адриана (30 г. до н.э. — 138 г. н.э.)	411
13. Социально-экономические условия От греческих полисов к «экуменической» сети	455
14. Тенденции социального и культурного развития Благотворители, сотрапезники, эфебы, атлеты, женщины и рабы	495
15. От полисной религии к мегатеизму Религии в космополитичном мире	534
16. Греки и ойкумена	595
Примечания и источники	617
Библиография	643
Хронологический указатель	645
Предметно-именной указатель	658

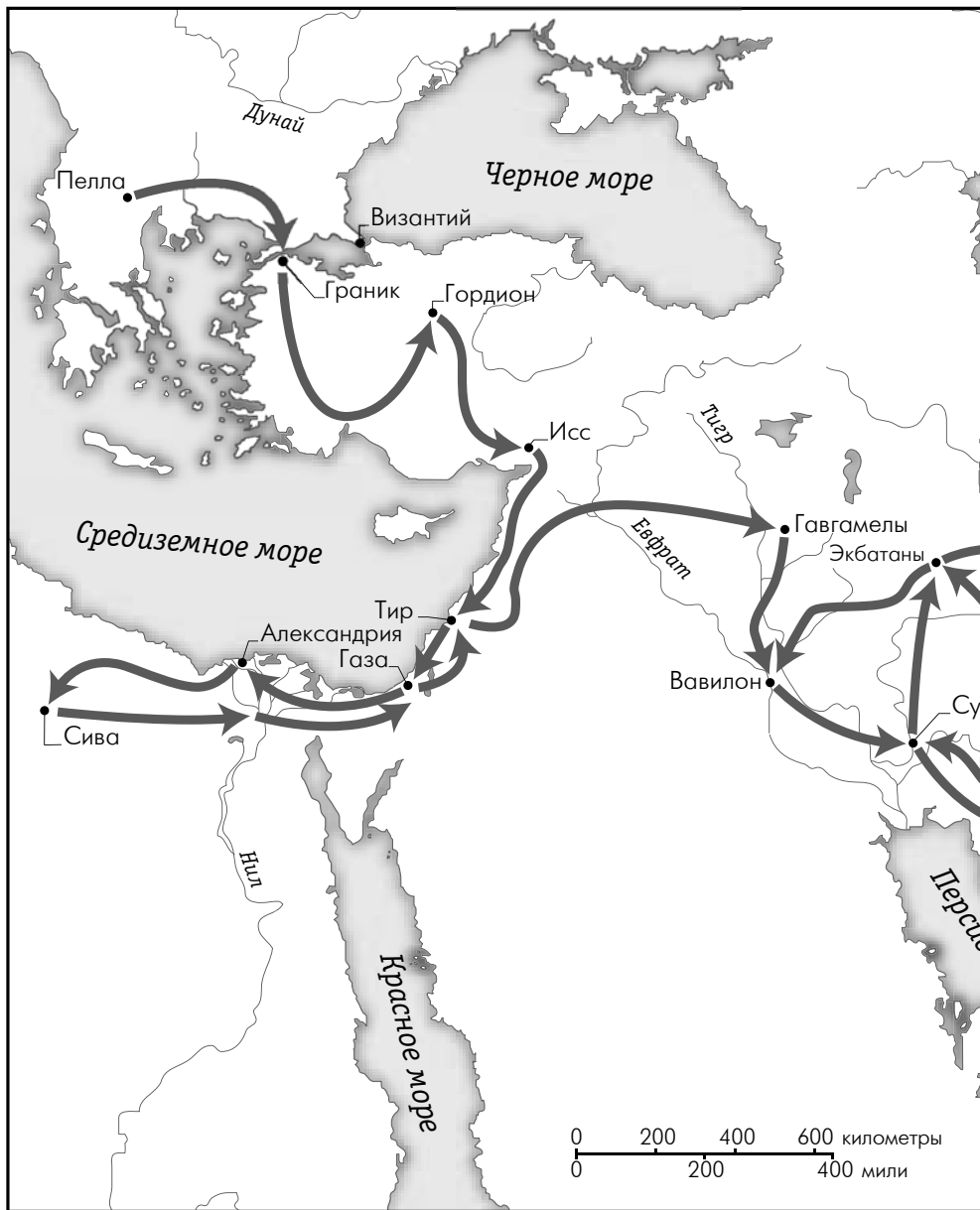
СПИСОК КАРТ

1. Греция и Западная Малая Азия.
2. Поход Александра.
3. Эллинистический мир.
4. Южная Италия и Сицилия во время Пирровой войны.
5. Малая Азия.
6. Селевкидское и Греко-Бактрийское царства.
7. Империя Августа.
8. Римская империя времен Траяна и Адриана.

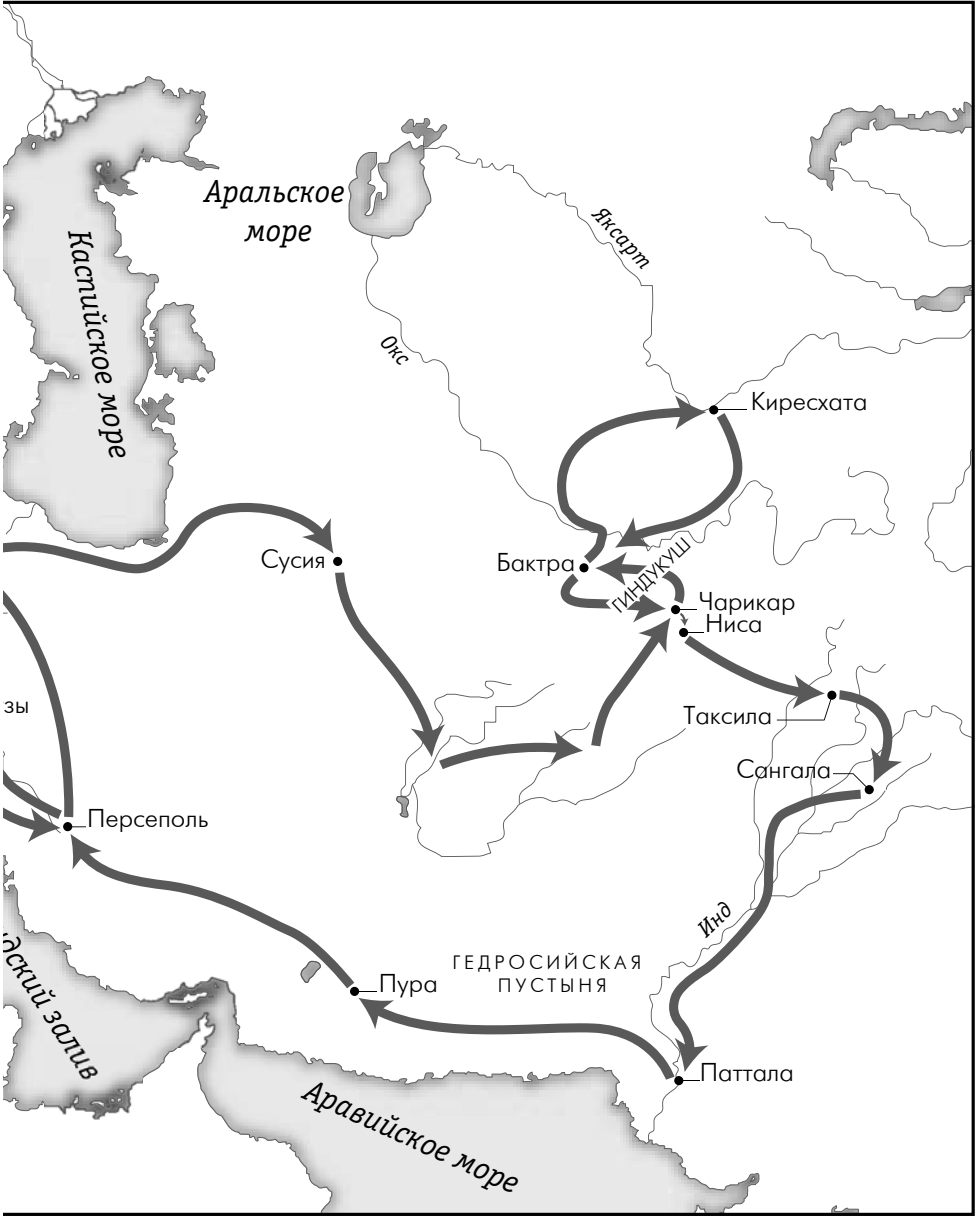


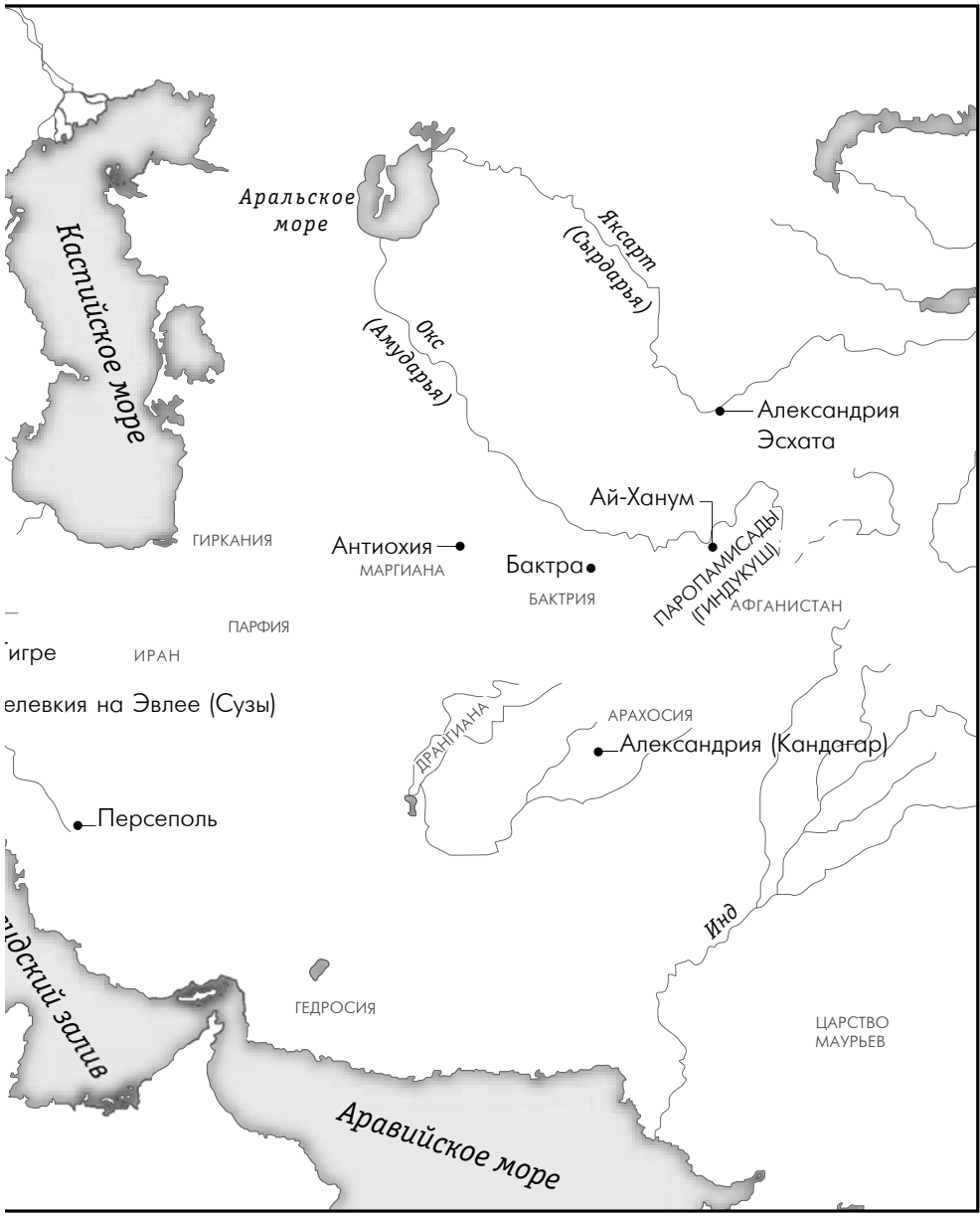
Греция и Западная Малая Азия





Поход Александра







Южная Италия и Сицилия во время Пирровой войны





Малая Азия

Черное море

0 50 100 150 200 километры
0 25 50 75 100 мили





Селевкидское и Греко-Бактрийское царства



Аральское море

Яксарт

Окс

Александрия Эсхата

БАКТРИЯ

ГИНДУКУШ

Ай-Ханум

Бактра

ГАНДХАРА

ПАРФИЯ

вропос

Александрия Ариана (Герат)

Таксила

Александрия Арахосия (Кандагар)

Кармана

Персеполь

Инд

ЦАРСТВО МАУРЬЕВ

Гармозия

Пура

Паттала

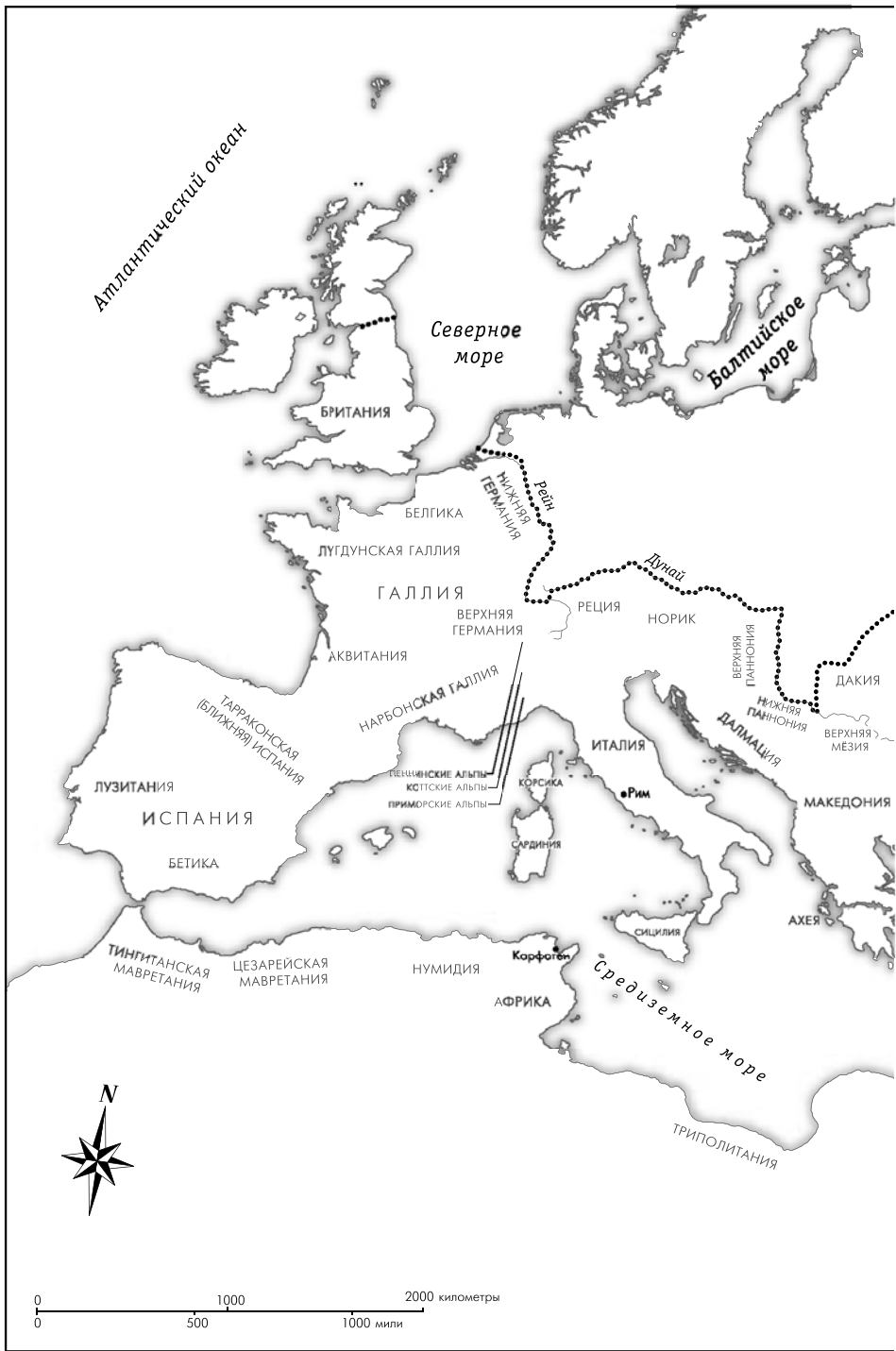
залив

Аравийское море



Империя Августа





Римская империя времен Траяна и Адриана



СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Миниатюрная голова Филиппа II из слоновой кости. Вергина, ок. 350–336 гг. до н. э. Археологический музей Эги/Вергины. *Фото:* © *Granger Historical Picture Archive / Alamy Stock Photo.*
2. Серебряная тетрадрахма Лисимаха с изображением головы Александра в диадеме и с рогами Амона. Монетный двор Лисимахии, ок. 279–281 гг. до н. э. Афинский нумизматический музей (инв. №NM 1204). *Фото:* © *Numismatical Museum Athens.*
3. Серебряная тетрадрахма Деметрия Полиоркета; на аверсе Ника стоит на передней палубе галеры, держа трубу; на реверсе — Посейдон. Монетный двор Эфеса, ок. 301–295 гг. до н. э. Афинский нумизматический музей (инв. №NM Empedokles Collection 288). *Фото:* © *Numismatical Museum Athens.*
4. Семь чудес древнего мира. Колосс Родосский. Гравюра Филиппа Галле (1537–1612) с картины Мартина ван Хемскерка (1498–1574). Художественный музей Нельсона-Аткинса, Канзас-Сити. *Фото:* © *PHAS / uIG / Getty Images.*
5. Мраморный бюст Пирра Эпирского. Римская копия оригинала последней трети III в. до н. э., современный слепок. Археологический музей в Янине.

- Отдел древностей Янины. *Фото: © Hellenic Ministry of Culture and Sports / Archaeological Receipts Fund.*
6. Галл, убивающий себя и свою жену («галл Людовизи»). Мраморная скульптурная группа, копия I–II вв. н. э. Римский национальный музей. *Фото: © De Agostini / G. Dagli Orti / Getty Images.*
 7. Золотая монета Арсинои II, III в. до н. э. *Фото: © CM Dixon / Print Collector / Getty Images.*
 8. Серебряная тетрадрахма Эвкратида I, правителя Бактрии: Эвкратид — с копьем, на голове — диадема и шлем с рогами, ок. 297–281 гг. до н. э. Афинский нумизматический музей (инв. №NM 1850/1998). *Фото: © Numismatical Museum Athens.*
 9. Бронзовая статуя правителя, III–II вв. до н. э. Римский национальный музей. Палаццо Массимо, Италия. *Фото: © B. O’Kane / Alamy Stock Photo.*
 10. Портретная статуя государственного деятеля с погребального памятника, эллинистический период. Смирна. Утрачен. *Фото: P. Zanker, ‘Brüche im Bürgerbild? Zur bürgerlichen Selbstdarstellung in den hellenistischen Städten’, in M. Wörle and P. Zanker (eds.), Stadtbild und Bürgerbild im Hellenismus, Munich, 1995, 267, fig. 5.*
 11. Портрет мужчины с бородой. Происхождение неизвестно, ок. 150 г. до н. э. Музей Гетти (инв. №91. AA.14). *Фото: © J. Paul Getty Museum, Villa Collection, Malibu, California.*
 12. Афина борется с гигантом Алкионеем и Геей. Рельеф Пергамского алтаря, II в. до н. э. Пергамский музей в Берлине. *Фото: © World History Archive / Alamy Stock Photo.*
 13. Серебряная тетрадрахма Клеопатры VII. Монетный двор Аскалона, ок. 48 г. до н. э. Афинский

- нумизматический музей (инв. №NM Demetriou Collection 1636). *Foto*: © *Numismatical Museum Athens*.
14. Развалины храма Августа и Ромы. Анкара, Турция, I в. н. э. *Foto*: © *eFesenko / Alamy Stock Photo*.
15. Южный портик Себастейона в Афродисии с мифологическими изображениями. Афродисия, середина I в. н. э. *Foto*: © *Angelos Chaniotis*.
16. Мраморная рельефная панель из Себастейона в Афродисии: Клавдий покоряет Британию. Афродисия, середина I в. н. э. *Foto*: © *Aphrodisias Excavation (Guido Petruccioli)*. *Courtesy R. R.R. Smith*.
17. Мраморная колонна, отмечавшая 260 миль от Эпидамна. Синд, ок. 146–118 гг. до н. э. Фессалоникский археологический музей (инв. №MΘ 6932; IG X.2.1 Suppl. 1668). *Foto*: © *Hellenic Ministry of Culture and Sports / Archaeological Receipts Fund (O. Kourakis)*.
18. Реконструкция монумента из Патары с обозначением расстояний до других городов Ликии. Патара, середина I в. н. э. *Foto*: © *Mustafa Adak*.
19. Бюст императора Августа, I в. н. э. Мюнхенская глиптотека. *Foto*: © *Erin Babnik / Alamy Stock Photo*.
20. Одеон Герода Аттика. Афины, середина II в. н. э. *Foto*: © *imageBriker / Alamy Stock Photos*.
21. Гигантское мраморное изваяние Адриана, ок. 130–138 гг. н. э. Афины. Афинский национальный археологический музей. *Foto*: © *Hellenic Ministry of Culture and Sports / Archaeological Receipts Fund*.
22. Мраморный бюст Антиноя. Патры, середина II в. н. э. Афинский национальный археологический музей (инв. №417). *Foto*: © *Hellenic Ministry of Culture and Sports / Archaeological Receipts Fund*.
23. Серебряный денарий Домициана с надписью “Imp(erator) Caes(ar) Domit(ianus) Aug(ustus)

- Germ(anicus) P(ontifex M(aximus), tr(ibunicia) p(otestate) XV". Римский монетный двор, 95/96 г. н. э. Афинский нумизматический музей (инв. №NM Zarifis Collection 203). *Фото*: © *Numismatical Museum Athens*.
24. Мраморный саркофаг. Афродисия, конец II в. н. э. Афродисия. *Фото*: © *Angelos Chaniotis*.
25. Мраморный надгробный рельеф Диоскуридов. Фессалоники, ок. 160 г. н. э. Фессалоникский археологический музей (инв. №1207). *Фото*: © *Hellenic Ministry of Culture and Sports / Archaeological Receipts Fund (K. von Eickstedt)*.
26. Главная улица римской колонии Дион в Македонии, вид с севера. *Фото*: © *Dion Excavations. Courtesy Korina Vasteli*.
27. Гимнасий Ай-Ханума, середина II в. до н. э. *Фото*: © *Délégation Archéologique Française en Afghanistan, 1975*.
28. Надгробный рельеф работоторговца Авла Каприлия Тимофея. Амфилиополь, ок. 100 г. н. э. *Supplementum Epigraphicum Graecum XXVIII 537*. *Фото*: © *J. Roger, "Inscriptions de la région de Strymon", Revue Archéologique 6 (1945), 47*.
29. Надгробный рельеф Тита Флавия Котиса, изображающий «Фракийского всадника». Филиппополь, II–III вв. н. э. Пловдивский региональный археологический музей (*Inscriptiones Graecae in Bulgaria Repertae V 5466*). *Фото*: © *RAM Plovdiv*.
30. Мраморная статуэтка Сераписа. Рим, IV в. н. э. Ватиканский музей. *Фото*: © *CNP Collection / Alamy Stock Photo*.
31. Исида. Вотивный рельеф. Дион, Македония, конец III — начало II в. до н. э. Дионский археологический

- музей (инв. №410). P. Christodoulou, 'Les reliefs votifs du sanctuaire d'Isis à Dion', in L. Bricault and R. Veymiers (eds.), *Bibliotheca Isiaca II*, Bordeaux, 2011, 11–16. *Foto*: © *Perikles Christodoulou*.
32. Авл Папилий Хейлон. Надгробный рельеф. Фессалоники, II в. н. э. Фессалоникский археологический музей (инв. №1254; IG X.2.1.58). *Foto*: © *Hellenic Ministry of Culture and Sports — Archaeological Receipts Fund (O. Kourakis)*.
33. Митра, закалывающий быка. Известняковый рельеф. Дюра-Эвропос, ок. 170 г. н. э. Художественная галерея Йельского университета (инв. №1935.98). *Foto*: © *Yale University Art Gallery*.
34. Бронзовая вотивная табличка, посвященная Зевсу Ипсисту. Изображены глаза Артемисии, страдавшей глазной болезнью. Эфес, II в. н. э. Гамбургский музей искусства и дизайна. *Foto*: © *Museum für Kunst und Gewerbe Hamburg / Maria Thrun*.
35. Вотивный рельеф из святилища Сераписа в Фессалониках (IG X.2.1.59). Фессалоники, II в. н. э. Фессалоникский археологический музей (инв. №MΘ 829). *Foto*: © *Hellenic Ministry of Culture and Sports / Archaeological Receipts Fund (V. von Eickstedt)*.
36. Гликон. Мраморная скульптура. Томы, II в. н. э. Археологический музей Констанцы, Румыния. *Foto*: © *DEA / G. Dagli Orti / Getty Images*.
37. Надгробный рельеф и эпитафия в честь свиньи, убитой повозкой. Эдесса, Македония, ок. 200 г. н. э. Департамент древностей Пеллы (инв. №АКА 1674). *Foto*: © *Hellenic Ministry of Culture and Sports / Ephorate of Antiquities of Pella*.
38. Сцены скитаний Будды. Рельефная скульптура. Маххура, II в. н. э. *Foto*: © *Barney Burstein / Getty Images*.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга написана для широкой аудитории. Ее цель — представить общие сведения о главных событиях политической, социальной и религиозной истории, произошедших на территориях, где греки проживали после классической эпохи. Книга покрывает два исторических периода, которые обычно рассматриваются отдельно: эллинизм, обыкновенно начинающийся с походов или смерти Александра Македонского (334 или 323 гг. до н. э.) и заканчивающийся смертью Клеопатры (30 г. до н. э.), и период ранней империи от установления монархии Августа (27 г. до н. э.) до смерти Адриана (138 г. н. э.). Во введении я объясняю, почему комплексное изучение двух этих эпох помогает лучшему пониманию общественного и культурного развития. Заглавие «Эпоха завоеваний» отсылает нас не только к тому факту, что ключевыми событиями этих двух периодов были военные кампании (Филиппа и Александра, эллинистических царей, римских полководцев и императоров, Парфии и других восточных государств); также оно метафорически указывает на невиданное расширение знания, технических навыков и интеллектуальных горизонтов.

Повествование с неизбежной краткостью описывает главные политические события начиная с основания Коринфского союза Филиппом II Македонским и кампаний Александра Великого до смерти Адриана. В силу неодно-

значности соответствующих военных и политических событий приходится при их изложении, переходя от одного места действия к другому, постоянно то уходить вперед, то возвращаться назад; хронологический указатель (с. 645–657) поможет читателю восстановить временную последовательность различных эпизодов. Невозможно детально рассказать историю отдельных царств или городов, описать битвы или представить биографии главных действующих лиц. Повествование избирательно; главным критерием выбора того или иного события являются его историческая значимость и ценность его как характерного примера. Я прерываю рассказ о событиях в конце главы 4, когда на сцену выходит Рим, чтобы в главах 5 и 6 дать обзор царствований и управления царствами, учреждений и политической жизни в городах-государствах и возвышения федеративных государств — важной новации III века до н. э. Последующие четыре главы посвящены римской экспансии на Восток, начиная с первой войны против иллирийских пиратов и заканчивая смертью Клеопатры и завершением римских гражданских войн. Глава 11 представляет собой краткий обзор основных изменений, произошедших в греческом мире при первых римских императорах. Глава 12 касается главных институтов имперского периода с точки зрения греческих и эллинизированных провинций: роли императора, устройства провинциальной администрации и изменений в политической системе городов и римских колоний. Следующие три главы посвящены важным переменам в общественном устройстве, культуре и религии. Надлежащее и детализированное исследование философии, литературы, науки и технологии, изобразительного искусства и архитектуры не уместилось бы в этой книге. Наконец, в последней главе я кратко подытоживаю, каким образом «долгий период эллинизма» изменил положение греков в *ойкумене*

(обитаемой земле), сделав их историю неотъемлемой частью «глобальной» истории античности. Неизбежно глубину анализа порой приходится принести в жертву во имя географического охвата событий, равно как изложение общих черт и тенденций почти не оставляет возможности надлежащим образом обсудить локальные различия.

До конца XIX века история эллинизма писалась главным образом на основе сохранившихся сочинений историков — прежде всего, Полибия, Диодора и Аппиана, а также сведений, предоставляемых географом Страбонам, «Сравнительными жизнеописаниями» Плутарха и другими немногочисленными письменными источниками. Изучение греческого мира под властью Рима, за исключением изучения литературы и искусства, отставало. Все изменилось в течение XX века с развитием — особенно в Македонии, Малой Азии, Центральной Азии (например, в Ай-Хануме) — археологических исследований, публикацией надписей, изучением папирусов и монет. К уже известной источниковой базе постоянно добавляются новые письменные памятники — надписи и папирусы; они отвечают на некоторые вопросы и ставят новые, добавляют оговорки к накопленному знанию. Сегодня эллинистический и имперский периоды представляют собой очень динамичные направления исследований. На их изучении постоянно сказываются новые находки, призывающие к пересмотру старых представлений — обычно небольшому, но порой и глубинному.

Если бы мне пришлось перечислить все книги, статьи и корпуса надписей, на которых основано содержание данной книги, библиографический список, вероятно, оказался бы намного длиннее повествовательной части. Я ограничился ссылками на источники, которые процитированы или упомянуты в тексте, и на небольшое количество статей и книг, рекомендуемых для дальнейшего чтения

и ссылающихся на источники и более обширную библиографию. Общая библиография также очень избирательна.

Ни библиография, ни сноски не восстановят справедливости в отношении вклада издателей и толкователей надписей в изучение эллинистического мира и Римского Востока. В их числе я с огромным уважением называю только тех, кто уже покинул нас и на чьей работе базируется наше понимание постклассического греческого мира, — Вильгельма Диттенбергера, Филиппа Готье, Петера Германа, Мориса Олло, Луи Робера, Фрэнка Уолбэнка и Адольфа Вильгельма.

Необходимо пояснение насчет транскрипции греческих имен. Обычно я не использую латинизированные формы греческих личных имен и географических названий: я пишу *Miletos* вместо *Miletus*, *Pyrrhos*, а не *Pyrrhus*, — кроме случаев, в которых латинизированная форма очень распространена (например, *Polybius*, а не *Polybios*) или когда общеизвестна современная английская форма (*Ptolemy*, а не *Ptolemaios*; *Corinth*, а не *Korinthos*).

Неоценимые советы предоставили Том Харрисон и анонимный рецензент. Также я очень благодарен Майклу Фаулеру, Роберте Гердс, Генри Хайтман-Гордону, Катрин Миног и Мэтью Пиблзу за улучшение моего стиля и Эмиру Дэйкину, помогавшему мне вычитывать ссылки. Я особенно благодарен Лесли Ливен, которая оперативно и тщательно подготовила отредактированный вариант. Джон Дэйви предложил мне написать эту книгу и содействовал ее составлению, часто в трудные минуты, добрым советом и терпением. В благодарность она посвящается его памяти.

ВВЕДЕНИЕ

После того как Александр, сын Филиппа, Македонянин... поразил Дария, царя Персидского и Мидийского, и воцарился вместо него... он произвел много войн и овладел многими укрепленными местами, и убивал царей земли. И прошел до пределов земли и взял добычу от множества народов... Александр царствовал двенадцать лет и умер. И владычествовали слуги его, каждый в своем месте. И по смерти его все они возложили на себя венцы, а после них и сыновья их в течение многих лет; и умножили зло на земле.

Первая книга Маккавейская. 1:1–9

В этой выдержке из Первой книги Маккавейской, еврейского текста второй половины II века до н. э., сохранившегося в греческом переводе, пристрастно обобщается то, что мы традиционно называем «периодом эллинизма» — временем между походами Александра (334–324 гг. до н. э.) и смертью Клеопатры (30 г. до н. э.). Автор выражает взгляд жителя покоренной провинции, взявшегося за оружие против греческих царей и их эллинизированных сторонников из числа евреев.

Есть веские причины начать книгу об истории греков этой космополитичной эпохи цитатой из еврейского текста: во-первых, потому, что она свидетельствует о сосуществова-

нии различных точек зрения и противоположных оценок; во-вторых, потому, что книга, бросающая вызов культурному и политическому господству греков, распространилась лишь благодаря использованию греческого языка как *lingua franca**; а в-третьих, потому, что период эллинизма обязан своим названием «эллинизаторам» — группе евреев, принявших греческие обычаи. Этот текст отражает некоторые противоположности и противоречия данной эпохи.

Что такое период эллинизма? Зачем мы его изучаем? И справедливо ли выходить за его традиционную позднюю границу, 30 год до н. э., чтобы исследовать его вместе с первыми 150 годами Римской империи как «долгий эллинизм»? Что касается его начала, смерть Александра Великого — безусловно, важный поворотный момент в истории древней Греции. Основание династий его преемниками — вероятно, наиболее заметная и наверняка наиболее своеобразная черта десятилетий, следовавших за его смертью. Земля была наполнена страданиями — возможно, не теми, что подразумевал еврейский автор Первой книги Маккавейской (религиозным и культурным угнетением иудеев), но, несомненно, муками, вызванными непрерывными войнами, несостоятельностью отдельных людей и общества в целом, а также гражданским противостоянием. Конечно, однобоко и неправильно было бы характеризовать эпоху эллинизма просто как век бедствий. Эта историческая эпоха — нечто большее, нежели просто сумма войн между преемниками Александра и основанными ими династиями, Римом, варварскими племенами, иноземными царями, городами и федерациями. Что еще заслуживает внимания в этих трех столетиях?

* *Lingua franca* (букв. — «франкский язык») — язык межнационального общения. — *Здесь и далее примечания редактора, если не указано иное.*

В повседневной речи мы говорим, что кто-то сделал *колоссальную* ошибку или *стоически* перенес превратности жизни. Мы можем упомянуть *эпикурейские* наслаждения, а в отпуске, за границей, — прельститься походом в *музей*. Кто-то в школе ненавидел *евклидову* геометрию, а кто-то ее любил. Найдя неожиданное решение проблемы, мы можем воскликнуть: «*Эврика!*» И даже если мы не понимаем их устройство, *гидравлические* насосы и цилиндры — часть нашей жизни. Общая черта слов *колоссальный*, *стоический*, *эпикурейский*, *музей*, *евклидов*, *эврика* состоит в том, что все они возникли в эпоху эллинизма. Философские школы эпикурейцев и стоиков сложились в конце IV века до н. э.; «*Эврика!*» («*Нашел!*») — воскликнул будто бы Архимед ок. 230 года до н. э., когда понял, погрузившись в ванну, что объем воды, вылившийся из нее, равен объему части тела, опущенной в воду; Евклид же был математиком первой трети III века до н. э., жившим в Александрии в годы правления Птолемея I — царя, основавшего Мусейон, «святилище муз», придворный образовательный центр. В Мусейоне математик и инженер Ктесибий использовал свои знания о силе воды, чтобы сконструировать первый орган (*hydraulis*), работавший под действием давления воды. Колосс — это огромная статуя бога солнца, возведенная в гавани Родоса в 280 году до н. э. и считавшаяся наряду с Фаросом — гигантским маяком в Александрии — одним из семи чудес света. Для того чтобы понять значение исторического периода, следует рассмотреть слова и выражения, которые он оставил грядущим эпохам.

Подобные научные, художественные, интеллектуальные и культурные достижения не должны, да и не могут изучаться вне их контекста. Александрийский Мусейон с его библиотекой и бесчисленные свершения работавших там ученых и исследователей были возможны лишь потому, что

Александр основал названный в его честь город Александрию, а правившие эллинистическим Египтом цари, располагая огромными ресурсами, направляли их на увеличение знания. Переход культурного лидерства от греческих Афин к Египту и Азии стал частью процесса, начало которому положили греческие переселенцы, создавшие города на покоренных Александром землях. Колосс увековечил военную победу; строительство александрийского Фароса показало, насколько возросла роль мореплавания в Восточном Средиземноморье; становление стоической философии происходило в постоянной диалектической связи с политической жизнью и общественным развитием. Понять искусство и науку, философию и литературу, технологию и религию эпохи эллинизма невозможно, не зная историю социальных конфликтов, войн, политических экспериментов и нововведений в городах и царствах этого времени. Итак, для изучения периода эллинизма имеются достаточные основания, и еще больше их будет приведено ниже. Походы Александра — хороший отправной пункт. Но где остановиться?

Традиционно исследования эллинизма завершаются самоубийством Клеопатры в 30 году до н. э. и присоединением Египетского царства к Риму. Конечно, это важный переломный момент политической истории. Он отмечает конец последнего великого эллинистического царства и начало принципата — формы монархической власти, сложившейся при Августе и его преемниках. 30 год до н. э., однако, нельзя признать поворотным с точки зрения истории общества, экономики, религии и культуры. Тенденции, которые мы наблюдаем в эпоху эллинизма, сохранялись на протяжении двух столетий после гибели Клеопатры. Чтобы полностью их осознать, необходимо обратиться к источникам, составленным позднее этой даты. И напротив, мы не можем понять политические институты, общественную

организацию, экономику, культуру и религию Греко-римского Востока в первые два столетия имперского периода, не принимая во внимание их эллинистические корни. Время от походов Александра на Восток и приблизительно до правления Марка Аврелия (161–180 гг.) следует изучать как единую историческую эпоху, для чего я и ввожу термин «долгий эллинизм». В этом примерно 500-летнем периоде можно вычленить несколько различных фаз, соответствующих делению этой книги на главы, однако общий ход развития был непрерывным.

Историческое повествование этой книги заканчивается смертью Адриана в 138 году н. э., хотя обстоятельства существования грекоязычных провинций при его преемнике Антонине Пии не изменились. Перемены начали происходить с началом войн Марка Аврелия против парфян в 161 году н. э. Я избрал правление Адриана последним эпизодом данной книги не потому, что он лучше известен широкому читателю, нежели его наследник, и не потому, что он укрепил границы Римской империи, положив конец великому наступлению, которое вел его предшественник Траян. Я выбрал его потому, что создание Панэллениона — совета, который, по крайней мере теоретически, включал все города греческого происхождения, — символически завершает цикл, начатый попытками объединения эллинов, предпринятыми Филиппом II Македонским и его сыном Александром. Поскольку единство греков или его отсутствие — одна из наиболее общих тем данной книги, целесообразно, чтобы рамки повествования задавали Панэллинский союз Филиппа II и Александра и Панэллинский совет Адриана.

Александр начал поход против Персидской державы в качестве предводителя греческого союза, целями которого были заявлены освобождение эллинских городов Малой Азии, находившихся под властью варваров, и месть персам

за разрушение греческих святилищ в 480 году до н. э. Он так и не смог простить спартанцев, мощная держава которых не присоединилась к альянсу, что не позволило ему объявить себя лидером союза *всех* эллинов. После первой своей победы при Гранике Александр сделал подношение богине Афине в Афинах. В короткой посвяtitельной надписи он не преминул уязвить единственного врага, которого не смог победить в открытом сражении: «Александр, сын Филиппа, и все эллины, кроме лакедемонян, взяли от варваров, обитающих в Азии». Адриан не пытался преуспеть там, где потерпел неудачу Александр; его Панэллинский союз не имел ничего общего с военным альянсом последнего. Именно это различие между двумя разными версиями сплочения греков — в одном случае направленного против врага-варвара, в другом — объединяющего эллинов в рамках административной системы Римской империи, — делает правление Адриана подходящим заключительным аккордом данной книги.

Четыре с половиной столетия спустя после кампании Александра греческие города — теперь уже *все* греческие города — вновь оказались подчинены имперской власти: на этот раз — Рима. Родной город Александра Пелла стал римской колонией; названная в его честь Александрия Египетская продолжала быть главным портом Средиземноморья, но утратила свое значение центра политической власти, которое удерживала с III века до н. э. Несмотря на решительное утверждение римской политической власти почти над всеми землями, на которых проживало греческое и грекоязычное население, самобытное греческое самосознание, выделявшее эллинов среди прочих, не изменилось. Есть все основания изучать историю греков под властью Римской империи обособленно — в той же мере, в какой мы можем исследовать историю евреев, германцев, иберов, бриттов или

любой другой включенной в ее состав этнической группы. Как известно, это «греческое» самосознание было гибким и податливым. Дальновидные греческие авторы даже могли объявлять римлян потомками греческого рода, если это помогало им примириться с римским господством; эллинизированные города Малой Азии могли войти в Панэллинский союз, сочинив доказательства того, что они были основаны греческими героями или колонистами; почти каждый, кто имел эллинское образование и был гражданином города, действительно или якобы основанного эллинами, мог считаться греком вне зависимости от того, носил ли он греческое, фракийское, иранское или латинское имя.

Интеллектуалы Афин, Эфеса или Александрии могли с презрением относиться к эллинизированному населению Малой Азии или Балкан, но в космополитичном мире Римской империи с его обширными сетями политических, экономических, культурных, социальных и религиозных связей «история греков» не может быть сведена к тем регионам, где греческие города и колонии имелись до завоеваний Александра; надо рассматривать и те области, где греки поселились в годы существования державы Александра и царств его преемников. Потому в географическом плане я придерживаюсь расширительного подхода к истории греков от Александра до Адриана. Главное внимание будет уделено областям, которые лучше всего представлены в использованных нами источниках и имели наибольшую концентрацию греческого населения, — материковой Греции, островам Эгейского моря, Малой Азии, Сирии, Киренаике и дельте Нила в Египте. Но как в историческом повествовании, так и в обзоре важных политических, социальных, религиозных и культурных процессов я стараюсь не забыть западных греков Сицилии и Южной Италии, греческие города вдоль западного и северного побережья

Черного моря и эллинов Центральной Азии — Афганистана, Пакистана и Северной Индии.

Общими чертами «долгого эллинизма», также отличающими его от предыдущих эпох, являются важная роль монархии; явное стремление к захватнической политике, характерное как для эллинистических царей, так и для римского сената; тесная взаимосвязь политических процессов на Балканах, в Италии, Причерноморье, Малой Азии, Ближнем Востоке и Египте; повышение мобильности населения в этих областях; распространение городской жизни и культуры; развитие технологии и постепенно возникающая однородность языка, культуры, религии и институтов. Все эти явления не были столь масштабны до завоеваний Александра.

Поистине эта эпоха — эра космополитизма, какого никогда не достигал ни один предшествующий этап греческой истории. Многие феномены «долгого эллинизма» находят параллели в современном мире, и «современность» этой исторической эпохи делает ее еще более привлекательной как для историков, так и для внимательных наблюдателей наших дней и времен. Я кратко прокомментирую четыре из них: глобализацию, образование мегаполисов, появление новых религий и принципов государственного управления.

В силу взаимосвязанности обширных территорий Европы, Азии и Северной Африки эллинистический мир и Римская империя справедливо рассматриваются в качестве ранних примеров глобализации. Конечно, современный термин «глобализация» может применяться здесь лишь в кавычках. Во-первых, эллинистическая сеть коммуникаций покрывала не весь земной шар, а лишь то, что современники называли ойкуменой; во-вторых, многие тогда считали обитаемый мир не шаром, но диском, окруженным Океаном. Тем не менее широта взаимных связей в областях,

известных грекам и римлянам, поражает. Завоевания Александра не создали долговечной империи, но породили огромную политическую сеть царств, владений полусамостоятельных династов* и *полисов* (городов-государств), растянувшуюся от Адриатического моря до Афганистана и от Украины до Эфиопии. Эти государства имели сношения с Италией, греческими колониями в Южной Франции, Карфагеном в Северной Африке и империей Маурьев в Индии, образуя тем самым сеть, охватывавшую весь известный мир, за исключением Китая. Римские завоевания увеличили этот взаимосвязанный мир, прибавив к нему Центральную и Западную Европу, а также значительную часть Северной Африки. Уже в середине II века до н. э. государственный деятель и историк Полибий, рассуждая о ранних этапах экспансии Рима, полностью осознавал внутреннюю взаимосвязь всего Средиземноморья и ввел термин *symploke* («переплетение, сцепление»; см. с. 154).

Крайне интересен вопрос о том, каким образом эти перемены повлияли на жизнь людей и на организацию и культуру чрезвычайно разнообразных сообществ. При поверхностном наблюдении заметно возрастание однородности различных сторон жизни. Греческий язык стал *lingua franca* эллинистических царств в Азии и Африке и остался таковым в восточных провинциях Рима; он часто использовался в Италии и западных провинциях, особенно среди интеллектуалов и иммигрантов с Востока. В отдаленных землях распространились греческие и римские правовые институты. Культура в большинстве своих проявлений — от облика городов до одежды, от мужских бород до женских причесок, от стиля произведений искусства до форм ламп,

* Династы — по Аристотелю, представители «разнузданной олигархии», незаконно присвоившие власть и передающие ее по наследству.

освещавших ночную жизнь, от риторических техник публичного выступления до способов развлечения — демонстрировала поразительный уровень единообразия, следуя за тенденциями, рождавшимися в главных политических и культурных центрах.

Называть, как это принято, данные процессы культурного сближения «эллинизацией» для эллинизма и «романизацией» — для Империи было бы неверно. Эти термины предполагают одностороннюю связь между центром и периферией, в то время как развитие культурного *койне* (общей формы выражения) в течение «долгого эллинизма» стало результатом более длительных и куда более сложных процессов. Главными действующими лицами были не только носители политической власти, но и пересекавшие границы бродячие артисты, ораторы и поэты, солдаты и рабы, маги и толкователи снов. Увеличение мобильности в полиэтнических царствах и Римской империи привело к культурному сближению и слиянию религиозных идей, известному как *синкретизм*. Следовательно, когда в этой книге я использую термины «эллинизация» или «эллинизированный», я подразумеваю лишь принятие греческого языка и письма негреческим населением, учитывая тот факт, что под налетом общего наречия буйно цвели местные обычаи и различные формы самосознания. Греко-латинские, греко-египетские, греко-еврейские, латинско-арамейские и другие надписи на двух или трех языках — зримое выражение неувядающей культурной сложности. Живой взаимообмен между греками, местным населением Азии и Египта и позднейшими переселенцами из Италии постоянно преобразовывал культуру. Негреческий элемент лучше всего различим в религиозных практиках и личных именах, но определенно он присутствовал в целом ряде феноменов, начиная с мифов, исторической памяти и представлений о загробной

жизни и заканчивая общественными устоями, погребальными практиками, одеждой, приготовлением еды и способом обработки земли.

Естественно, культурное многообразие было наиболее выдающейся чертой «мегаполисов» этого периода. Такие города, как Александрия, Антиохия, Афины, Эфес, Фессалоники, Коринф и Пергам, насчитывавшие от 100 000 до 1 млн жителей, нельзя сравнивать с современными мегаполисами с населением 10 млн человек или более. Но современникам они казались огромными. В начале III века до н. э. поэт Феокрит описывает реакцию двух женщин, приехавших из Сиракуз в Александрию и прогуливающих по улице во время фестиваля:

Боги, какая толпа! Ах, когда бы и как
протесниться. Нам через весь этот ужас! Без счета —
ну впрямь муравейник*.

Крупные, имеющие разнородное население города наподобие Александрии ставили перед своими обитателями целый ряд проблем, известных и нам: безопасность, напряженность между людьми разного происхождения, чувства обезличенности и одиночества, желание принадлежать какой-либо группе. Чем более ослаблялось участие жителей в политической жизни их городов, тем сильнее ощущалась потребность компенсировать эту утрату участием в сообществах другого рода — религиозных, профессиональных или иных.

На некоторые из этих потребностей, совсем как и в нашем мире, отвечали «новые религии», обещавшие защиту при жизни и блаженство после смерти. В греческую среду

* Феокрит, Мосх, Бион. Идиллии и эпиграммы. — М., 1958. — С. 71 (пер. М. Е. Грабарь-Пассек).

вносились и приспособлялись к ней экзотические культы, предписывавшие своим ревнителям организовываться в добровольные ассоциации; доступ в них был одновременно и ограничен, так как требовал инициации, и свободен, ибо обычно они были открыты для всех независимо от происхождения, пола и социального статуса. Религиозные и иные добровольные ассоциации давали своим членам чувство сопричастности.

Несмотря на господствующее положение царств и крупных федеративных государств, главной ареной политической, общественной и религиозной жизни оставался полис. Ни в какой другой период греческой истории, даже во время Великой греческой колонизации VIII–VI веков до н. э., не основывалось столько новых городов, как в конце IV–III веке до н. э. Старые и новые полисы, а затем — римские колонии, создававшиеся в Греции, Малой Азии и на Ближнем Востоке с конца I до начала II века н. э., обладали определенным суверенитетом и широким самоуправлением. Но этот суверенитет урезался: сначала — вмешательством царей, после 146 года до н. э. — созданием римской провинциальной администрации, а затем — вездущей фигурой римского императора. Хотя города сохранили ряд политических институтов, позволявших гражданам участвовать в принятии решений — таких как народное собрание, — они становились все более зависимы от вкладов богатых благотворителей. Это наряду с прямым вмешательством царей и римских властей в пользу олигархических кругов постепенно превратило города из умеренных демократий, в которых богатым приходилось договариваться о своей власти с гражданами, соперничать со своими конкурентами за должности и отчитываться перед народом, в олигархии, где политические права и власть зависели от имущественного ценза. Это противоречие между

номинальным суверенитетом и участием народа в управлении, с одной стороны, и реальной властью — с другой, знакомое современным демократиям, привело к принятию элитами, а также и царями театрализованного поведения, целью которого был поиск баланса между показной любезностью и надлежащей дистанцией. Такое поведение похоже на современный популизм. Периодические бунты должников, неимущих, не столь привилегированных и дискриминируемых не приводили к реформам. Власть «знати» не ставилась под сомнение до тех пор, пока она старалась тратить часть своего богатства на то, что сегодня мы назвали бы «общественными расходами». Общественные отношения «долгого эллинизма» основывались на сложных формах обоюдности.

Без сомнения, столь злободневные явления покажутся современной аудитории наиболее поразительной чертой исторической эпохи, рассматриваемой в настоящей книге. древнего читателя увлекли бы две другие особенности, которые в эллинистический и имперский периоды имеются в изобилии: *peripeteiai* (внезапные перемены судьбы) и *paradoxa* (неожиданные события). «Долгий эллинизм» сталкивает нас с противоположностями и противоречиями: сохранение традиций и технологические революции вроде разработки антикитерского механизма — сложного устройства, показывавшего положение небесных тел и циклы Солнца и Луны; рационализм и суеверия, монархия и народовластие, маленький мирок полиса и огромная вселенная царств и империй, локальное и универсальное. Этот период создал культурный контекст становления христианства. И он дает пищу для размышлений внимательным наблюдателям современности. Надо надеяться, эти причины достаточны для того, чтобы углубиться в книгу.

I

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

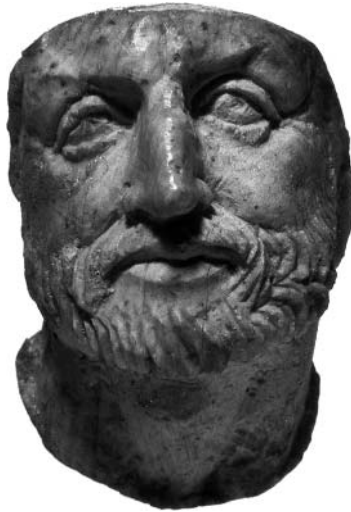
От Македонии к ойкумене
(356–323 гг. до н. э.)

ОТЦОВСКОЕ НАСЛЕДСТВО (ок. 356–336 гг. до н. э.)

Воображаемый странник, в 343 году до н. э. прибывший в Миезу — небольшой городок у подножия горы Вермион, — сначала был бы поражен захватывающей дух красотой ландшафта: покрытые деревьями склоны, кристально чистые ручьи и ряд гротов в отвесной скале. Именно красота местоположения дала местным жителям основания считать его домом нимф — Нимфеоном. Наш гость удивился бы тому, что нимфы приняли в мужскую компанию бородатого учителя сорока с небольшим лет с группой подростков и молодых мужчин, увлеченно спорящих о поэзии, географии, мифах и природных явлениях. Он никогда бы не подумал, что людям, собравшимся в этом идиллическом месте, уготовано кардинальным образом изменить ход мировой истории. Среди них был Аристотель, который

заложит основы западной философии и науки; ни один человек до Декарта не окажет столь сильное влияние на европейскую мысль. Македонский царь Филипп поручил ему воспитание своего сына Александра и отпрысков местной знати. Племянник Аристотеля Каллисфен, когда ему будет около 40 лет, напишет достойную внимания историю деяний Александра, которая позднее вдохновит создателя «Романа об Александре», циркулировавшего в греческой, латинской, сирийской, армянской и церковнославянской адаптациях и вплоть до Нового времени и являвшегося одной из наиболее распространенных книг. Тринадцатилетний Александр менее чем через десять лет начнет военную кампанию, что изменит облик известного мира; еще через 11 лет он заложит Александрию, которой предстоит затмить все остальные города Восточного Средиземноморья богатством, численностью населения и культурным влиянием. В этом городе другой юноша, Птолемей, создаст династию, которая превзойдет все прочие известные династии древнего мира долголетием; что еще более важно, он учредит величайший из известных до этого миру образовательный центр — Мусейон с его знаменитой библиотекой.

Такие созвездия выдающихся личностей в одно время и в одном месте редки в истории. Если они появляются там, где сильны требования перемен, как в эпоху Ренессанса, Просвещения или Великой французской революции, то могут вызвать грандиозные события. В Греции в 343 году до н. э. требования перемен были сильны. В конце V — первой половине IV века до н. э. державы-гегемоны сменяли одна другую, лишь на короткое время устанавливая свое господство в мире свободных городов и федераций. Их непрерывные войны с мятежными союзниками дали персидским царям Ахеменидам шанс отомстить за поражение в серии войн с греками (480–449 гг. до н. э.). В 387 году до н. э.



1. Филипп II Македонский. Миниатюра из слоновой кости

Ахемениды вновь включили греческие города Малой Азии в состав своей державы. После того как города-государства Афины, Спарта и Фивы установили и утратили в боях свою гегемонию, в середине IV века до н. э. на краю греческого мира возникла новая сила — македоняне (македонцы) под властью царя Филиппа II из династии Аргеадов.

Царский дом Аргеадов правил македонянами с VII века до н. э. Династия возводила родословную к аргосскому царю Темену и в конечном счете к Гераклу. Македоняне были племенем, название их было греческим и, вероятнее всего, означало «горцы» от слова *makednos* («высокий»). Они поклонялись греческим богам и особенно почитали Зевса-Олимпийца. Самые важные поселения носили греческие имена: Дион («святилище Зевса») и Эги («место коз»). Их личные имена имели греческую этимологию: Филипп («любящий лошадей»), Птолемей («воинственный»), Пердикка («куропатка»), Аминта («защитник»),

Александр («защитник людей»), Береника («приносящая победу»), Клеопатра («дочь выдающегося отца»), Архелай («полководец»). Говорили же они на диалекте греческого языка. От эллинов материковой Греции и колоний их отличал не столько диалект, понятный, вероятно, афинянину в той же мере, что английский глубинки Юга США — оксфордскому профессору, сколько образ жизни. Вплоть до V века до н. э. они были главным образом пастухами и обитали в мелких поселениях. В отличие от греков юга, избавившихся от наследственной царской власти к VI веку до н. э. (исключением была Спарта, имевшая двух монархов одновременно), ими правили цари. Различие между «эллинами и македонянами», которое делается иногда в публичных документах, относится не к этнической принадлежности, но к различным формам общественной организации.

Вплоть до начала IV века до н. э. македоняне жили в тени сначала ахеменидских царей, а затем — Афин. Царь Архелай (413–399 гг. до н. э.) укрепил царство, содействуя развитию городской жизни и культуры; именно при его дворе Еврипид создал своих «Вакханок». За его смертью, однако, последовали династические распри и войны. Когда в 359 году до н. э. царь Пердикка III погиб в бою, его брат Филипп пришел к власти, отстранив своего малолетнего племянника Аминту. За 25 лет своего правления Филипп II (см. илл. 1) преобразил Македонию и весь греческий мир столь же сильно, как его сын преобразит позднее остальную известную вселенную. Историк II века н. э. Арриан вкладывает в уста Александра такую оценку вклада Филиппа в становление Македонии:

«Филипп застал вас нищими-бродягами; одетые в кожухи, пасли вы в горах по нескольку штук овец и с трудом отстаивали их от иллирийцев, трибалов

и соседей-фракийцев. Он надел на вас вместо кожухов хламиды, свел вас с гор на равнины, сделал вас грозными противниками для окрестных варваров, научил охранять себя, полагаясь не на природные твердыни, а на собственную доблесть, поселил вас по городам, упорядочил вашу жизнь, воспитав вас в добрых обычаях и законах»*.

Хотя, как показывают археологические исследования, бедность Македонии до Филиппа определенно преувеличена, его достижения поразительны. Военный гений, проныцательный дипломат, великий организатор, жадный ученик, с энтузиазмом принимающий вызовы и реализующий возможности, опытный пропагандист с безграничными амбициями, Филипп II заслуживает эпитета «Великий» не менее, чем его сын. Филипп, проведя несколько лет своей юности в качестве заложника в Фивах, изучил новую тактику фиванской армии — косую фалангу, при которой левое крыло оказывалось сильнее центра и правого крыла. Пока ослабленный правый фланг вступал в схватку с врагом, удерживая позиции, насколько это было возможно, или, отступая, левое крыло получало возможность ударить в правый фланг противника, обладавший обычной глубиной, разбить его и окружить врага. Филипп усовершенствовал эту тактику с помощью блестящей находки. Он экипировал свою пехоту длинными — 4,5–5,5 м — копьями (*сариссами*), которые, опускаясь одновременно, позволяли защищаться пяти рядам бойцов. Вместе с тем он повысил выучку кавалерии. Со временем к военным победам, расширившим его царство, прибавились административные решения. Он обучал

* Арриан. Поход Александра. — М.; Л., 1962. — С. 218 (пер. М. Е. Сергеенко).

при дворе отпрысков своей знати, основывал города, пускал древесину и серебро из новоприобретенных областей на строительство флота и наделял солдат землей за военную службу.

То обстоятельство, что Филипп пригласил восходящую звезду философии и науки Аристотеля обучать его сына, казавшегося подходящим преемником, демонстрирует, что Филипп был не просто человеком действия. Его недавно раскопанный дворец в Эгах (современная Вергина) свидетельствует о продуманной идеологии. Один из дворов был декорирован символической темой: Зевс похищает финикийскую царевну Европу. Современники разгадали бы намек на конфликт между Европой и Азией. Геродот начинает свое повествование о греко-персидских войнах упоминанием этого мифа, дабы объяснить, как начался непрерывный конфликт между греками и варварами. Филипп сознательно готовил греков к следующему шагу в борьбе со слабеющей Персидской державой — к возобновлению войны против Азии под его началом. В 346 году до н. э., когда строился и украшался дворец Филиппа, афинский мыслитель Исократ призывал его в открытом письме «привести эллинов к согласию и возглавить поход против варваров»*, то есть против Персидской державы.

Для того чтобы осуществить свой план вторжения в Персидскую державу, Филипп постепенно выстраивал сеть поддержки, кульминацией чего стал его самый выдающийся дипломатический шаг — создание в 337 году до н. э. общегреческого союза. Усиление влияния Филиппа к югу от рубежей Македонии началось значительно раньше, с фактического присоединения к его державе Фессалии в 352 году

* Исократ. Речи (продолжение). V. Филипп // Вестник древней истории, 1966. №1. — С. 156 (пер. В. Г. Боруховича).

до н. э. Заняв высшую должность Фессалийского союза (*archon*), он стал контролировать землю, богатую зерном и лошадьми, а также получать доходы от портов и рынков. Успехи Филиппа опирались не только на военную силу. Он подкупал государственных деятелей Афин, соперничавших с ним за лидерство в Греции, и подписывал союзные договоры всякий раз, когда они казались ему удобным средством нейтрализации врага, — не намереваясь, однако, их соблюдать. Часто о Филиппе вспоминают как о престарелом отце-алкоголике, конфликтовавшем с талантливым сыном и амбициозной женой. Но Филипп был человеком, от одного присутствия которого умолкал лучший оратор Греции. Когда в 347 году до н. э. афинянин Демосфен получил единственный в своей жизни шанс встретиться с Филиппом лицом к лицу в качестве посла, он лишился своего главного оружия — речи. Сказав несколько вводных слов, он внезапно умолк и упал в обморок.

Величайшее достижение Филиппа состоит в том, что впервые с 477 года до н. э. он объединил греков в союз. В 338 году до н. э. в битве при Херонее его армия нанесла поражение соединенным войскам афинян и беотийцев. Для историков XIX — начала XX века эта битва символизировала конец свободных городов-государств и, следовательно, греческой истории — по крайней мере, той ее части, что достойна изучения. Но можно взглянуть на это иначе: битва при Херонее — это начало конца истории Ахеменидов. Вместо того чтобы уничтожить поверженных врагов, Филипп — это один из его внезапных и искусных дипломатических поступков — пригласил их на совещание. Место было выбрано тщательно — Коринф. Там, где узкая полоса земли соединяла Центральную Грецию с Пелопоннесом, находилось святилище Посейдона — центр одних из четырех традиционных панэллинских атлетических игр.

Именно в Коринфе греки впервые заключили союз против персов в 480 году до н. э. Тот Коринфский союз нанес поражения Ксерксу в битве при Саламине в 480 году до н. э. и под Платеями в 479 году до н. э., за год до своего распада. Филипп считал себя причастным к традиции этих победителей; он сообщил грекам, что они смогут победить персов и защитить свою свободу только в том случае, если объединятся, и напомнил также об их долге освободить греческие города Малой Азии от персидского господства, как они сделали это в 478 году до н. э. Большинство греческих городов и федераций, за исключением Спарты и Эпира, приняли приглашение. Делегаты заключили мир, гарантировавший то, что греки ценили превыше всего, — независимость, свободу от дани и гарнизонов. Давшие клятву соблюдать договор обещали хранить мир и не пытаться сменить устройство членов союза или царскую власть Филиппа и его преемников. Члены союза были представлены в совете (*synhedrion*), по-видимому, пропорционально численности их населения или войск; несколько мелких общин могли выставить одного делегата. В случае конфликта между членами союза совет выполнял функцию арбитражного суда. Посягательство на землю или внутреннее устройство одного из членов союза обязывало прочих объявить войну агрессору. Альянс избирал предводителя (*hegemon*), который командовал армией на войне и определял размер контингента, отправляемого каждым из союзников. Как и следовало ожидать, гегемоном был избран Филипп, который мобилизовал греков на войну против персов. Его конечной целью было, вероятно, расширение собственной державы, освобождение малоазийских греков от персидского владычества и присоединение их к своему союзу; возможно, он не рассчитывал уничтожить Персидскую державу. Хотя многие детали договора нам не известны, его влияние на последующую